

18+

Дмитрий Березин

СКОРБНАЯ  
МЕДИЦИНСКАЯ  
НЕМОЩЬ

Сборник рассказов



Дмитрий Березин

**Скорбная медицинская  
немоть. Сборник рассказов**

«Издательские решения»

**Березин Д.**

Скорбная медицинская немощь. Сборник рассказов /  
Д. Березин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-591511-5

В книге собраны рассказы из медицинской деятельности фельдшера. Смешные и грустные, философские и сдержанные, истории разделены на два раздела: «Село» — в котором собраны рассказы, связанные с медицинской деятельностью в селе, и «Город» — в котором собраны истории со скорой помощи. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-591511-5

© Березин Д.  
© Издательские решения

## Содержание

Село	6
«ГэБэшник»	6
Последствия	9
Болгарка и «рука-лицо»	12
«Невесёлый молочник»	15
Гемопневмоторакс	17
Тёщины блины	19
Дед Костя	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

# **Скорбная медицинская немощь**

## **Сборник рассказов**

**Дмитрий Березин**

© Дмитрий Березин, 2023

ISBN 978-5-0059-1511-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

## Село

### «ГэБэшник»

Эта история случилась ещё в начале моей медицинской деятельности.

Жаркое лето 2003 года. Утром, придя на смену я узнал, что мне вместе с милицией предстоит ехать в поселок Гореловский, забрать там какого-то психического больного и увезти его на принудительную госпитализацию в психбольницу соседнего райцентра.

На столе лежало заявление матери больного, в котором говорилось о том, что сын ей угрожает убийством, обзывает её, ведёт себя неадекватно и прочие подробности, присущие пьяному поведению.

Заявление было написано неровным почерком, с множеством орфографических ошибок. Кое-где проскакивали матерные слова.

– Что это? – спросил я у старшего фельдшера Ольги, прочитав заявление.

– Этот больной уже находился на лечении в психбольнице. – ответила она. – Наш психиатр направляет его на госпитализацию в райцентр соседнего района. Ты его сопровождаешь с милицией. Главное, чтоб он с собой взял паспорт и полис.

– Какой диагноз-то у него?

– Не знаю. Псих какой-то... Да тебе-то какая разница? Его милиция повезёт. Если что-то случится, то ты знаешь что делать. Ты же – ФЕ-ЕЛЬДШЕР! – Ольга произнесла последнее слово с какой-то деланной важностью, закатив при этом глаза и подняв указательный палец вверх.

Ну что ж? Надо ехать. Для меня, как для молодого специалиста, такой план сегодняшнего дежурства был в новинку. Всё казалось интересным.

Село находилось в двадцати километрах от нашего райцентра. Первым делом, мы заехали в наш районный отдел внутренних дел. С нами поехали два сержанта. Когда приехали в село, то к нам присоединился ещё и местный участковый. Всего в составе пяти человек – я, водитель и три милиционера, мы направились к дому больного. На часах было около 10.00.

Обыкновенная русская изба. Во дворе нас встретила старушка примерно семидесяти лет на вид (да, именно старушка, потому что в деревнях бабушки выглядят старушками, и не пытайтесь меня в этом переубедить!). Старушка оказалась матерью больного. Со свойственным говором деревенской бабушки она начала причитать:

– Совсем он мне покою не даёт! Всю пенсию пропивает, дерётся, соседей в страхе держит! Они на меня ругаются, мол, сын у меня такой нехороший...

– Где он? – спросил участковый.

– В избе. Спит после пьянки вчерашней, – ответила она и тут же запротивилась. – Я туда не пойду! Он опять с кулаками на меня набросится!

Учитывая имеющуюся у меня на данный момент информацию, я ожидал увидеть в избе обыкновенного деревенского хилого забулдыгу-алкоголика с серо-желтым лицом, обозлённого на весь белый свет, и имеющего на своем жизненном счету безработицу, алименты, кучу судимостей и татуировки на пальцах в виде перстней.

– Так, – сказал участковый сержантам, – готовьте браслеты. Если что, то сразу кладём его и пристёгиваем! Док, у тебя есть чем его уколоть, «если что»?

– Да, найду что-нибудь.

– Пошли!

Мы зашли в избе. На панцирной кровати лёжа на боку и подложив руки под голову, спал мужчина примерно сорока лет на вид. Я обратил внимание, что даже когда он лежал, его рост

был весьма внушительным. Русые кудрявые волосы, здоровый румянец кожи лица и никаких видимых татуировок. Этакий здоровенный деревенский детина.

Он спал тихо-тихо, не было слышно ни храпа, ни сопения, только равномерная экскурсия грудной клетки.

– Серёга, – обратился к нему участковый. – Серёга вставай. Поехали.

Серёга открыл глаза, резко сел на кровати, злым взглядом уставился на нас.

Участковый схватился за кобуру. Мне стало не по себе.

– Спокойно, Серёг! – предупредил его участковый. – Спокойно... Ты же знаешь, у нас приказ...

Серёга осматривал каждого из нас прямым взглядом. Он оценивал сложившуюся обстановку.

– Мать? – коротко спросил он у участкового, имея ввиду то, что мы здесь по инициативе его матери-старушки.

– При чем тут мать? – ответил участковый. – Ты же вообще всю деревню в страхе держишь. Собирайся, поехали.

– Куда?

– На «Репина, 4» (Адрес психбольницы соседнего райцентра).

Серёга потянулся за одеждой, которая лежала на табуретке у кровати. Я обратил внимание, что одежда сложена аккуратно, по-армейски.

– Ну, поехали, – ответил Серёга и начал одеваться.

– Паспорт и полис с собой возьмите, – сказал я.

– Паспорта нет, – ответил больной и кивнул в сторону тумбочки, стоявшей около кровати, – «военник»...

– Значит, берите военный билет.

Сергей открыл тумбочку, достал военный билет и медицинский полис, протянул мне.

Первое, что мне бросилось в глаза это то, что военный билет оказался зелёного цвета.

«Офицер», – понял я.

Черными буквами на зелёной корочке «военника» было напечатано:

**ВОЕННЫЙ БИЛЕТ**

**офицера запаса**

**КГБ**

«Вот нифига себе!» – подумал я и открыл билет.

Иванцов Сергей Валентинович.

С фотографии в военном билете на меня суровым взглядом смотрел наш больной в звании старшего лейтенанта КГБ.

На странице отметок о прохождении службы имелась запись:

«Проходил службу в составе ограниченного контингента советских войск в ДРА с 12.04.1983 по 15.02.1989».

– Ты это видел? – тихо спросил я у участкового.

– Да, – ответил он. – Потом расскажу.

Больной молча одевался. Когда он встал на ноги, то мои наблюдения оказались верными – ростом он был под два метра и весом около ста двадцати килограммов.

«Если он начнет нервничать, то из „ПМ“ участкового его можно успокоить только выстрелом в голову или сердце», – подумал я.

– Серёг, – снова обратился участковый, – тебя пристегнуть и «уколоть» надо.

Больной послушно протянул руки, браслеты защелкнулись на его запястьях.

Мы вышли из дома и сели в УАЗик. Все это время я ощущал какую-то скрытую угрозу. Больного пристегнули наручниками за ручку в салоне уазика. Я, на всякий случай, сделал ему инъекцию седативного препарата. Поехали.

До соседнего райцентра было 110 километров.

Добрались без происшествий. Больной всю дорогу молча смотрел в окно.

Врач психбольницы, увидев нашего больного погрузился:

– Будешь лечиться в этот раз? Или снова всё отделение нам разнесёшь?

– Буду лечиться... – буркнул больной.

...

На обратном пути участковый рассказал мне, что Серёга служил в «Вымпеле». Участвовал во множестве спецопераций не только в Афганистане. И всё для него было нормально и понятно, пока Союз не распался. А потом и вовсе их подразделение перевели в другое подчинение. Тогда-то он и уволился, вернулся домой, но на гражданке он себя не нашёл, зато нашёл безработицу, деревенское уныние, алкоголизм и всеобщее безразличие всех ко всему. Но самое страшное, это то, что он остро ощутил себя ненужным. На фоне всего вышперечисленного, Серёга, воспитанный в духе Любви к Родине, во всех стал видеть врагов, а «врагов надо бить». Таким образом он и попал на учёт. Сначала к наркологу, а потом и психиатру.

– В прошлый раз, когда его в «дурку» увозили, мы его впятером скрутить не могли, – говорил участковый. – Пока Гена Суворов не пришёл, тракторист наш местный. Он тоже под два метра ростом. Только вот с ним и смогли мы Серёгу скрутить. Так что повезло нам в этот раз...

– То есть, если б он, вдруг, надумал нас «устранить», – я обвел всех нас взглядом, – ему бы это легко удалось?

– Конечно! – не задумываясь ответил участковый. – Как слепых котят. Это же машина для убийств!

«Зато я – ФЕ-ЕЛЬДШЕР!» – подумал я.

Вот такая она, работа сельского фельдшера».

## Последствия

Михаил Ваксин был дебоширом, пьяницей и водителем пожарной машины в бывшем совхозе. Да. Когда-то, в совхозе была пожарная команда, и предназначалась она для тушения пожаров не только зданий, но и совхозных полей на которых зрел хлеб.

Прошло время, совхоз прекратил свое существование, распавшись на несколько фермерских и подсобных хозяйств. Команду, имеющую в своем распоряжении пожарную машину на базе автомобиля ЗИЛ-130 и несколько тракторов, сократили, технику и оборудование растащили, и от команды остался только Мишка Ваксин – шофер «Пожарки». По сути, он был обычным водителем красного водовоза, потому что с тушением пожаров автомобиль бы уже вряд ли справился.

...

Телефонный звонок разбудил меня около часу ночи.

– Аллю?

– Аллю, здравствуйте! – услышал я в телефонную трубку шепелявый и пьяный голос. – Я тут с вами разговариваю, а у меня зубы на трубку падают!

– Кто это?

– Миша Ваксин. Меня избили!

Уже, на основании только услышанного по телефону, можно было предположить, что мне предстоит обрабатывать раны, и, возможно, даже шить.

– До больницы дойти сможете?

– Какая больница? Я же говорю, мне зубы выбили!

Действительно, идти ему одному в больницу ночью после травмы головы, да ещё и пьяному – не очень хорошая идея.

– Сейчас приду, – ответил я.

Лицо Михаила представляло из себя месиво – полностью заплывший правый глаз, под левым глазом был оторван лоскут кожи, который вывернулся наружу и висел на полоске кожи. Разбитые опухшие губы, разбитый нос, выбитые передние зубы.

– Мда-а... – протянул я, увидев Михаила. – За что это тебя так и кто?

Михаил, повесив голову, прошипел:

– Он об этом ещё пожалеет!

– Конечно пожалеет! Я вот вообще не при делах, и то уже жалею тебя... Пойдем в больницу. Попробую зашить тебе лицо, но если не получится, то в район поедем. Чем это тебе лицо так изуродовали?

– Розочкой...

– Легко отделался. Мог и без глаз остаться. В милицию звонил?

– Звонил. Они сказали вас вызывать, чтоб вы посмотрели и перезвонили.

Михаила я лично привел в стационар.

Медсестра открыла нам дверь.

– Оксана Юрьевна, вот как ваше дежурство, так вот такие случаи происходят, – сказал я ей. – Сходите уже в церковь, что ли?

– Я тоже думаю, – поняв мою грустную шутку, ответила она, – надо сходить, свечку поставить, да все никак не соберусь...

– А все потому, что не надо «думать», – сказал я. – Все уже давно придумано, написано и подписано – остаётся только выполнять! Утром, после пересменки «шагом марш» на исповедь! А сейчас готовьте инструменты – шить будем.

Оксана ушла в перевязочный кабинет.

Лицо Михаила я зашивал около получаса. Старался лучше сопоставить оторванный лоскут кожи к окружающим тканям, чтобы как можно меньше осталось последствий травмы. Наложил четырнадцать швов.

– Останешься в стационаре до утра. – Сказал я Михаилу накладывая повязку. – Утром посмотрим, что с тобой делать.

...

Утром Михаил показал мне свои опухшие руки:

– Смотрите, руки опухли...

Я потрогал кисть его руки, под его кожей четко почувствовалась крепитация (похрустывание)

«Подкожная эмфизема! Ё-моё, блин! Ещё и лёгкое повреждено...»

– Тебя ещё и по ребрам пинали что-ли?

– Ну да...

– А почему ты мне вчера не сказал?

– Вчера не болело...

Видимо вчера в организме было много «обезболивающего», а сегодня уже нет.

Я осмотрел грудную клетку Ваксина. Кожа под пальцами «хрустела». Болезненность в районе III – V рёбер справа. Аускультативно – ослабление дыхания.

– Собирайся, поехали в район.

...

С диагнозом: ЗЧМТ, сотрясение головного мозга, ушибы мягких тканей лица, рваная рана лица. Перелом III – V ребра справа, подкожная эмфизема, я доставил Михаила в ЦРБ. В районной больнице диагноз подтвердился, Михаила госпитализировали в хирургию.

На выходе из приемного покоя меня встретил знакомый следователь.

– Вот зачем вам в вашей деревне участковый, если там есть ты? – начал шутить он. – Да и ездить опрашивать потерпевших туда к вам не надо, ты их все равно сюда всех привозишь!

– А у нас милиция нужна только для того, чтоб потерпевших опрашивать? – съязвил я. – Я думал бандитов ловить...

– Тот, кто его избил, уже у нас!

И следователь поведал мне предысторию травм Ваксина.

Оказалось, что накануне Ваксин со сторожем машинного двора прямо на рабочем месте последнего решили отметить «Всемирный день защиты насекомых от инсектицидов».

В то время отмечать праздники было принято только бесконтрольным употреблением алкоголя, а не походом в библиотеку, музей или церковь, например.

Когда сторож под действием «алкоголя на старые дрожжи» заснул, Михаил попытался вывезти охраняемый металлолом. Ничего лучше чем вывозить металлолом на тракторе он не придумал. От треска «пускатча» сторож проснулся. Вероломное вторжение на охраняемую им территорию безумно разозлило разбуженного пьяного сторожа. Затуманенный алкоголем мозг понял, что настало время проявить себя в качестве ответственного сотрудника, а не только ответственного алкоголика. «Ответственный сотрудник» схватил пустую бутылку за горлышко, разбил её об угол и напал на Михаила Ваксина.

Михаил, после удара в лицо горлышком бутылки, упал, а сторож пинками выгнал его с территории.

Утром, когда стало понятно, что Михаил получил своё, а также осознание, что «переборщил», сторож сам поехал в РОВД с повинной.

– Нам осталось только от потерпевшего заявление получить. Вот я и говорю, зачем вам участковый? – снова пошутил следователь.

...

Михаил выздоровел. О том происшествии, до конца жизни ему будут напоминать шрамы на лице. Сторожа уволили и осудили на 1,5 года. Условно.

## Болгарка и «рука-лицо»

В конце августа в сёлах начинается весьма активная подготовка к зиме. Пока не началась копка картошки, нужно заготовить дрова и сено, набрать и засолить грибов на зиму, и, если повезет, то искупаться разок-другой до наступления холодов.

...

Моя спина и шея от длительного сидения в одном положении затекли. Я отбросил ручку и потянулся на стуле:

– Как же мне надоело писать эти дневники в историях болезней! – с досадой сказал я и посмотрел в окно. – Лето заканчивается, а я так ни разу и не искупался, за грибами не ходил. Все работа да работа! А ещё дрова надо на зиму заготавливать!

За окном, по проселочной дороге со стороны соседнего отделения, ехал трактор с ковшем, в котором сидел человек.

– Во развлекаются мужики! – подумал я. – Прямо аттракцион колхозный!

Трактор приближался к больнице. Я разглядел, что человек, сидевший в ковше прижимает белую тряпку к лицу.

– Да ё-моё! – воскликнул я, направляясь к выходу. – И зачем я только в это окно посмотрел?

Трактор подъехал и аккуратно опустил ковш на землю. Из ковша вылез Сергей Иванович, мужик примерно сорока лет. Белое вафельные полотенце, намотанное на правую руку, он прижимал к правой половине лица. Во втором глазу читалась мольба: «Сделай, хоть что-нибудь, не могу я так больше!»

Одного только того, что его привезли к фельдшеру в ковше трактора и с замотанной рукой, было достаточно, чтобы предположить, что это травма, а не насморк или, например, гемморой.

– Здравствуйте. А почему в ковше-то?

– В кабине места нет, – ответил больной. – Это же «Кабан» за рулем!

Действительно, в кабине трактора, сторбившись, сидел огромных размеров тракторист с красным лицом. Казалось, что он занимает весь объем квадратной кабины. Сергей Иванович махнул ему рукой. Тракторист кивнул в ответ и уехал.

– Рука или лицо? – Спросил я.

– Глаз.

«Уже хуже. Лучше бы рука или лицо, – подумал я, но выбора у меня не было. Фельдшер на участке я один, а это значит, что сейчас я буду окулистом».

– Что сделал?

– «Болгарка»...

– Без щитка и очков?

– Ну...

– Э-эх... – горестно протянул я и процитировал:

– «Уж сколько раз твердили миру...».

Мужик опустил голову. Видимо, уже наслушался от всех подряд, какой он безответственный, потому что болгаркой работал без щитка и очков.

– Да, блин, – начал оправдываться он, – мы на «делянке» работали. У нас проушина под прицеп отломилась. Приехали в МТМ чтоб приварить ее. Ну я решил усилить эту проушину – арматуру наварить по бокам. Начал пилить прутки «болгаркой»... Сначала даже внимания не обратил. Ну попала соринка в глаз, с кем не бывает? А она мне теперь веко царапает...

– Глаз-то видит? – спросил я.

– Да видит он не хуже, чем всегда. Мне его открывать больно. И двигать тоже.

– Болит именно сам глаз, или веко? – уточнил я.

– У меня сейчас вообще полбашки болит, а сначала, да, веко царапало.

Глаза у человека работают синхронно. Если одно глазное яблоко поворачивается вправо, то и второе одновременно поворачивается в ту же сторону. Поэтому, при тяжёлых травмах только одного глаза, повязку накладывают на оба глаза, с целью избежать движений глазных яблок, соответственно уменьшить риск дополнительного травмирования. В конкретном случае, жалобы мужчины указывали на то, что инородное тело воткнулось в роговицу. Торчащий конец инородного тела травмировал веко изнутри.

– Ну заходи, – сказал я. – Пойдем посмотрим, что там у тебя с глазом.

Конъюнктива правого глаза была значительно гиперемирована и отечна из глаза постоянно текла слеза. Мужик пытался открыть глаз, но он у него тут же закрывался.

– Не могу я его открыть! – говорил он.

Пытаясь открыть глаз, он открывал рот.

– А что ты рот-то открываешь? – спросил я. Так женщины рот открывают, когда глаза красят!

Сергей сжал губы и с обидой посмотрел на меня одним глазом.

– Сейчас, погоди. – сказал я. – Вроде, в стационаре лидокаин есть.

К счастью больного, в процедурном кабинете оказались глазные капли 10-процентного раствора лидокаина.

– Ложись на кушетку, лицом в потолок!

Он устроился на кушетке. Я попытался закапать капли. Мужик жмурился:

– Да не могу я глаз открыть! Не могу. Он сам закрывается!

Пришлось капать во внутренний угол глаза и, чуть-чуть раздвигая веки, ждать, когда лидокаин окажет анестезию.

Через несколько минут судорожных морганий, мужик сел, открыл оба глаза и посмотрел на меня:

– Это что за капли такие волшебные? Они, что ли, мне стружку железную растворили!? – Удивленно спросил он.

– Нет, если б капли железо растворяли, то они бы и кушетку проплавили, на которой ты лежал, а это нельзя, потому что она на подотчете! – ответил я. – Ты просто сейчас не чувствуешь боли.

Мужик рассмеялся:

– Слушай доктор, ну вообще глаз-то прошёл! – сказал он моргая глазом.

– Не прошёл, – обескуражил я его. – Сейчас самое интересное будет. Ложись обратно.

– Зачем? – начал упираться мужик. – Всё же прошло!

– Ложись и смотри на свою руку, которой болгарку держал, – сказал я, подводя его руку напротив лица. – Каким пальцем на кнопку давил?

– Этим... – Мужик оттянул большой палец.

– Вот на него и смотри.

Мужик уставился на свой палец так, как будто этот палец был виноват в том, что его глаз пострадал.

Я же в это время изо всех сил пытался найти в его глазу эту злополучную занозу.

– Нет. Не вижу... – расстроился я.

Глаз больного от того, что долго не мигал, наполнился слезой. И тут меня осенило.

– Фонарик! Надо фонарик! – воскликнул я несмотря на то, что было светло. – Буду по бликам искать!

Подсвечивая карманным фонариком в глаз под разными углами, мне удалось увидеть искажение отблеска на роговице, где и торчала черная металлическая заноза. Размеры ее были

так ничтожно малы, что она несколько раз снова ускользала у меня из вида. Но я уже знал где она находится.

– Нашёл! – обрадованно сказал я. – Примерно «семёрка на два часа»!<sup>1</sup> Сейчас я ее пинцетом вытащу.

– Слушай, док, – сказал больной, – может не надо?

– Не надо болгаркой без защиты работать! – ответил я. – Молчи уж. Давай каплей добавлю, а то скоро пройдет анестезия.

– Что пройдет?

– Анестезия. Обезболивание, по-твоему.

– А-а...

Достать занозу пинцетом оказалось невозможно. Кончик занозы выглядывал над поверхностью роговицы на микроскопическое расстояние и, при прикосновении пинцетом к роговице, последняя прогибалась внутрь глаза, делая извлечение занозы еще более проблематичной.

– Не зацепляется... Буду доставать иглой от шприца.

Мужик уставился на меня с испугом.

Я продолжил:

– А ты мне будешь помогать. Одной рукой держать веки, чтоб глаз не закрывался, а на другую руку будешь смотреть. У тебя неплохо получается.

Когда я коснулся занозы срезом иглы, то почувствовал, как метал скоблит по металлу. Дыхание мое замерло, но заметил я что не дышу только после того, как заноза все же извлеклась из роговицы и свободно легла на ее поверхности.

– Не шевелись, – медленно выдохнул я, не отрывая взгляда от занозы, чтоб не дай Бог она не пропала из вида. – Сейчас я ее ваткой поймаю!

Поддев занозу ваткой, я вытащил ее из глаза больного.

– Готово!

Мужик сел. Проморгался, поводит глазами влево-вправо, вверх-вниз с закрытыми веками, зажмурился. Потом открыл глаза и присмотрелся к плакату над раковиной в процедурке:

– «Этапы мытья рук», – прочитал он на плакате.

– На вот, посмотри, – я показал мелкую занозу на ватке.

Заноза была толщиной с волосок и длиной не более половины миллиметра.

– И все что ли? – удивился он. – Это вот эта крошка мне житья не давала?

– Ну да.

– Ну ты даешь, доктор! Это ты вот этой иглой у меня в глазу ковырялся?

Я выбросил иглу в контейнер.

– Теперь иди в аптеку, купи альбуцид, пару дней надо «покапать».

– Спасибо!

– Не за что. Щиток и очки не забывай. Техника безопасности кровью написана.

Утром следующего дня, собираясь на работу, я услышал звук работающего трактора возле двора, потом послышался какой-то грохот. Я вышел на улицу. Перед воротами лежала куча свежих дров. Сергей Иванович, сидя за рулем трактора, приветственно махнул мне рукой.

---

<sup>1</sup> «Семёрка на два часа» – местоположение попадания пули в мишень, для корректировки огня. Представьте себе роговицу глаза в виде мишени и циферблата аналоговых часов одновременно, и все станет понятно где находилась заноза.

## «Невесёлый молочник»

До работы на скорой в городе, с вызовами, вызванными употреблением психоактивных веществ (ПАВ), я сталкивался только один раз. И запомнился мне этот случай не столько своей психоактивной этиологией, сколько, сначала моей нелепой растерянностью, а потом чудесным вмешательством «Его Величества Случая».

Я уже заведовал участковой больницей. В один из летних дней мне привезли двадцатипятилетнего парня прямо с полевых работ. Его просто внесли ко мне в кабинет двое его товарищей.

– Доктор! Спасите его, пожалуйста! – каким-то неестественным голосом и с испугом сказал мне один из них.

– Что случилось-то? – спросил я выпроваживая из кабинета бабушку с давлением.

– Он это... Перегрелся, наверное... – ответил один его «товарищ».

– Ага! – тут же подхватил другой. – Жарко в поле-то...

Парни сгрузили больного на кушетку, стоявшую у меня в кабинете, и быстро ретировались.

– Нам работать надо... У нас это..., как его..., бригадир ругается. Вот.. – снова каким-то неестественным голосом промямлил один из друзей.

– До свидания! – с придыханием сказал второй.

Парни хлопнули дверью, а уже через секунду, что-то бормоча, они пробежали под моим окном. Тогда я даже не обратил внимания на их неадекватное и какое-то трусливое поведение: бросили полуживого друга, убежали якобы на работу. Детский сад, ей-богу!

Парень был сонлив и заторможен. Он сидел на кушетке, откинувшись к стене и прикрыв глаза.

– Что с тобой случилось? – спросил я, накидывая ему манжету тонометра на плечо.

– Да.. ничё... – с некоторой задержкой вяло отвечал он, – нормально всё...

«Давление в норме, пульс в норме, дыхание тоже. Кожные покровы слегка гиперемированы, рефлексы слабые. А раз так, значит нашатырь мне в помощь!» – подумал я тогда и начал пытаться больного нашатырем, попутно вызывая медсестру для постановки капельницы.

От нашатыря парень встрепенулся, но ненадолго. Каждый раз после вдыхания паров нашатырного спирта, примерно через полминуты он снова становился вялым, бормотал что-то непонятное коверкая слова. На вопросы отвечал пассивно и односложно. Активных жалоб не предъявлял.

«Непохоже это на тепловой удар, – думал я, – сильно непохоже, а вот на отравление, очень даже». И мне глупому, ни разу еще не встречавшемуся с наркотическими отравлениями, ведь в голову не пришло, что это такое.

«Надышался выхлопных газов от КамАЗа или трактора?» – первая мысль, которая меня посетила тогда.

Подошла медсестра.

– Собирайте и подключайте к нему систему! – сказал я ей. – В «процедурке», в какой-то укладке был Унитиол – внутримышечно пять «кубиков», а там видно будет.

– Ты выхлопа от трактора надышался? – спросил я больного.

– ... нее..., – как в полубезытии произнес он с прикрытыми глазами, – ... всё нормально...

Медсестра быстро собрала систему, затянула жгут на плече больного, подключилась к вене на его правой руке.

Больной вздрогнул от укола в вену, посмотрел на руку и снова начал «загружаться».

«Да что же это с ним такое? – думал я. – Молодой, здоровый парень, алкоголем не пахнет от него... Диабет? Гипо- или гиперкома?»

Снова нашатырь.

– А? Что? – Встрепенулся парень и уставился на свою руку, в которую капала капельница. Рука его начала багроветь, местами покрываться синими пятнами и, по-видимому, начала болеть. Сначала я тоже растерялся, но потом увидел, что медсестра забыла снять жгут, поэтому-то рука его и багровеет.

Парень, от вида такой страшной картины с его рукой, опешил:

– Что это у меня с рукой? – испуганно спросил он.

Идея сама прилетела мне в голову так быстро, что я, даже не понимая до конца, что происходит, быстро ответил с паникой в голосе:

– У тебя рука отмирает! Сейчас отрезать придется! Говори быстро, что с тобой? Что ты делал?!

Паренёк перепугался до полусмерти. Такого ужаса в глазах, я ещё ни разу и ни у кого не видел.

– Мы <растение> в молоке варили! – Не своим голосом закричал он. – Доктор! Спасите мою...

Воздух в его лёгких закончился, он сделал глубокий шумный вдох и на выдохе неистово закричал:

– ... ру-у-укуууу!!!

Дыхание его сбилось, он заметался по кушетке. Испуганно глядя то на меня, то на руку и боясь прикоснуться к ней.

«Да ё-моё! – воскликнул я про себя. – Ну конечно же! „Молочко“! Как я сразу-то не додумался? И дружки его тоже под молочком сейчас, вот и смотались бегом, как говорится, без палева!»

– Несите набор для промывания желудка, – сказал я медсестре снимая жгут с руки парня.

Рука на глазах приняла прежний вид.

Желудок промыли, дали уголь, оставили до утра в стационаре под наблюдением, предварительно сообщив участковому о таком отравлении.

После промывания желудка и беседы с участковым, парень имел очень бледный вид. Ещё бы! Промывание желудка, а потом ещё и промывание мозгов дали весьма хороший эффект.

– Здорово вы меня с рукой развели, доктор ... – сказал мне парень. – А я повёлся, как лох...

– Ты не лох, – ответил я, – ты «Невесёлый молочник»!

Прозвище Молочник привязалось к парню на всю жизнь.

Вот такая история.

Ну и, соответственно, пользуясь случаем, предупреждаю, дабы к вам не привязалось нелепое прозвище, не экспериментируйте с веществами, потому что прозвище, это самое безобидное, что может с вами произойти в таком случае.

## Гемопневмоторакс

«Гемопневмоторакс». Давайте разберемся, что это за слово-то такое? «Гемо-" – (лат. haema) кровь, «пневмо-" (греч. πνεῦμα «дыхание; дуновение; дух»), «торакс» – (лат. thorax) грудь, грудная клетка.

Итого, если все сложить, то получается что это скопление крови и воздуха в грудной клетке, а чаще в плевральной полости. Плевральная полость – это, проще говоря, пространство между лёгкими и ребрами. Можно, конечно объяснить что это пространство между висцеральными и париетальными листками плевры, выстилающих лёгкие и внутреннюю поверхность грудной клетки соответственно.

Причиной гемопневмоторакса, в основном, являются травмы грудной клетки.

...

«В тот год осенняя погода  
Стояла долго на дворе,  
Зимы ждала, ждала природа.  
Снег выпал только в январе...»

А. С. Пушкин

Действительно, теплая тогда осень была. Помидоров уродилось уйма! Мы с женой проживали в комнате общежития, завалили весь угол этими помидорами. Закатали все, какие только можно, банки, наварили борщей и лечо, салаты с помидорами были три раза в день в качестве дополнения к основному блюду. Наелся я в тот год этих помидор, что даже думать о них не хочу по сей день.

А на полях полным ходом была заготовка кормов для крупного рогатого скота на зиму.

С утра и до ночи в полях тарахтел трактор, погружая стога сена стогометом на арбу. Стогоправ раскладывал сено по арбе, затем трактор цеплял арбу за дышло и вез сено в село, на сенохранилище<sup>2</sup>.

Заступил я тогда на дежурство в субботу. Так и хочется сказать, что «ничего не предвещало беды в тот день», но нет. Работая на скорой, всегда ждёшь чьей-то беды. Ничего не поделывать, работа такая.

Вызов поступил уже поздним вечером. Звонили из РОВД.

– За берёзовой рощей в поле человек упал с арбы. Без сознания, – сообщил мне дежурный.

Поехали.

Первое, что я увидел, когда вышел из машины, что около телеги с сеном лежал человек. К его разбитой, окровавленной голове прилипла солома вперемешку с грязью. Неестественно вывернутая левая рука была загнута под туловище. Частое и поверхностное дыхание.

Рядом с ним на коленях стоял тракторист и громко причитал:

– Васька!... Васька, только не умирай! Слышишь? Только не умирай! Я же не специально...

– Что случилось-то? – спросил я у тракториста, осматривая пострадавшего.

«Череп деформирован..., грудная клетка крепитирует (хрустит) ..., плечо сломано... А позвоночник целый? Как сейчас узнать? Темно, больной весь переломанный, в крови, грязи и в соломе, скорее всего сломан и позвоночник тоже.»

---

<sup>2</sup> «Стогомёт» – это такие навесные огромные вилы на тракторе, предназначенные для подъёма и погрузки сена. «Стогоправ» – человек, который распределяет сено по арбе во время погрузки. «Арба» – так, в той местности называлась телега для перевозки сена. «Дышло» – прицепное устройство арбы. Прицепное устройство называется «дышло» (это треугольная железка впереди телеги, которая зацепляется за трактор).

Тракторист сбивчиво начал рассказывать. Слова его путались. Понятно было, что он очень напуган, растерян.

– Сено грузили мы, – начал он, – а Васька, он стогопра́в же... – Уже «вершить» начали... Я охапку забросил, Васька сразу, видать, вскочил на охапку-то, а я не заметил. Темно... Стогоме́том его ударило по голове-то... Он сразу же, как подкошенный упал, покатился по сену... Сначала об борт арбы ударился, потом на дышло упал...

Я посмотрел на груженную сеном арбу. До верхнего борта, сделанного из металлического прута было примерно 4—5 метров.

Получалось, что с такой высоты он упал на дышло. И падал он, скорее всего, уже без сознания.

– Женя, там у нас щит в узике есть, – обратился я к водителю, – надо его на носилки положить. Я не знаю, что у него с позвоночником. Сейчас ещё руку его зашинуруем...

Аккуратно повернув больного, я начал вытаскивать его руку из под туловища, послышался хруст костных отломков. Я посмотрел в окровавленное лицо пострадавшего, никакой гримасы боли на его лице я у него не увидел.

«Нет сознания – нет боли. Больных, находящихся без сознания при черепно-мозговых травмах не обезболиваем», – вспомнились мне слова преподавателя по «Медицине катастроф».

Осторожно, стараясь не смещать костные отломки, мы переложили больного на носилки, погрузили в УАЗик и поехали. Ночью, по полю. Продавленные в разные стороны колеи от тракторов, швыряли наш УАЗик из стороны в сторону. Я сидел на полу около больного и изо всех сил старался удержать его, чтоб свести к минимуму возможный риск дополнительных травм.

«Не жилец...» – маячила у меня в голове мысль, но я упорно отгонял её.

– Женя, ты не торопись, поезжай плавно, – говорил я водителю, хотя он и без моей просьбы ехал очень медленно. – До асфальта доедем, а там рванём! По радиии скажи, что мы тяжёлого везём, пусть опербригаду уже собирают, рентген нужен и лаборант.

На счастье в тот день дежурным врачом был заведующий хирургией Иван Владимирович Чуркин.

Когда мы занесли больного в приемный покой, Иван Владимирович, бегло осмотрев его, коротко сказал:

– Кислорода в операционной не хватит. Нужно баллоны новые подключить.

Человек, ответственный за замену кислородных баллонов любил выпить и жил далеко от районного центра. Искать его ночью в выходной день было не вариант вообще.

– Надо поменять баллоны. Сможешь? – спросил меня хирург.

Даже нисколько не задумываясь, я ответил:

– Да.

– Езжай на склад за кислородом.

Поехал, погрузил баллоны и поменял.

Больного взяли на операцию, но безуспешно. Уж больно тяжёлые были травмы.

У него была открытая черепно-мозговая травма, переломы нескольких рёбер и тот самый гемопневмоторакс, который развился от перелома ребер и разрыва лёгкого.

Он умер на операционном столе. Осталась жена и двое детей. А самое печальное, что никаких страховых гарантий у него не было, поскольку он не был трудоустроен. «Кальмил», шабашничал то есть.

...

Был потом «разбор полетов». Я отчитывался по своим действиям на вызове сначала перед начмедом, потом перед главным, потом перед следователем, а на суде перед судьей. Тракториста судили за причинение смерти по неосторожности.

## Тёщины блины

Валентин Акимович Кочнев всю свою жизнь прожил в селе. Проработал он в системе советского госстраха. Вооружившись офицерской планшеткой, он ходил по деревенским домам, собирая с односельчан страховые взносы, в основном, за домашний скот.

Никто из односельчан не понимал, зачем это нужно: страховать свой домашний скот? Ведь в случае, если корова или, например, хряк заболеет, то всё их лечение сводилось к «ампутации хвоста ближе к голове». Иными словами, скотину забивали и съедали, либо мясо шло на продажу, и ни о каких страховых выплатах никто и никогда не задумывался. Оно ведь в деревне как: «Не жалко, что своя корова сдохла. Жалко, что у соседа до сих пор живая».

За всю свою страховую деятельность Валентин Акимович ни разу не совершал процедуру страховых выплат. Только сбор взносов.

Шесть лет назад Валентин Акимович вышел на заслуженную пенсию и потянулась его скучная пенсионерская жизнь.

На счастье, а как позже оказалось, всё-таки на беду, у Валентина Акимовича была тёща. Вполне себе живая и шустрая, восьмидесятишестилетняя бабулька Пелагея Мироновна по прозвищу «бабка Мудрая». Никто, кроме самой бабки Мудрой не знал причину, по которой она стала обладательницей такого прозвища. Пелагея Мироновна несколько раз приходила ко мне прием, жаловалась на больные суставы, головные боли, шум в ушах и прочее, что может беспокоить пожилых людей. Тем не менее, она всегда строго держала пост и никогда не позволяла себе прегрешения в виде алкоголя. Питалась только домашней пищей: картошка, сало, масло, овощи с огорода. Готовила пищу она себе сама, недаром всю жизнь в совхозной столовой поваром проработала.

Вот как раз на 87-летие бабки Мудрой и произошли те события.

К празднованию своего дня рождения она готовилась основательно. Было жаркое из свинины, на гарнир пюре картофельное с подливой. Из напитков был собственноручно приготовленный яблочно-сливовый компот, а на десерт, как и полагается в деревнях, были блины, которые, перед употреблением предлагалось окунать в мёд, налитый в небольшую, но глубокую миску.

На день рождения были приглашены дети, внуки, братья, сёстры и соседи, которые, зная о кулинарных способностях бабки Мудрой, посчитали нелогичным пренебречь таким приглашением.

Гости расселись за столом, поздравили именинницу, приступили к поеданию приготовленного.

Валентин Акимович есть не хотел. Он, зная, что тёща «не нальёт», прибыл на праздник уже «заряженным». А заряжаться он начал ещё накануне. И сейчас Валентин Акимович хотел выпить, но тёщи боялся. Принятый им ещё утром алкоголь уже расщеплялся, организм требовал «продолжения банкета», поэтому у Валентина Акимовича возникла жажда.

– Ох, и компот у тебя, тещенька, вкусный! – нахваливал он тещин компот.

Надеясь, что она всё же выставит на стол заветную бутылку самогона, он продолжал:

– Таким компотом самогон запивать самое дело! Может это..., а? По чуть-чуть? – он показал расстояние между большим и указательным пальцами.

Тёща, видимо, потому и называлась Мудрой, что всегда умела «отшить» придирки любого пьяницы, а уж тем более зятя:

– Неча шары заливать на моих именинах! – ответила она зятю. – Вон, блины с медом ешь!

Родственники беззлобно засмеялись. Василий Акимович погрузился, но всё же взял со стола блин, свернул его пополам, обмакнул в мёд и откусил большой кусок. В этот же самый момент, чувствуя горечь поражения в словесном поединке с тещей, а также несостоявшуюся

мечту «хлопнуть» рюмашку, он сделал горестный вдох. Откушенный кусок блина, повинуюсь обычным физическим законам, тут же полетел в сторону гортани и застрял в районе голосовой щели, частично перекрыв дыхательное горло.

Валентин Акимович тут же закашлялся. Синея и ударяя себя в грудь кулаком, он вскочил. Пытаясь сделать вдох, он тянул в себя воздух, тем самым только ухудшая свое положение: блин застрял, а воздуха, чтоб его выдохнуть, в лёгких не хватало. Всё вокруг закружилось, картинка перед глазами стала нечёткой, расплывчатой и темнеющей. Словно окунь на песке, судорожно пытаясь сделать вдох, Валентин Акимович, роняя стул, сам повалился на пол, выронив из руки недоеденный блин.

...

Выходной день был тогда. Решил, что займусь огородом, который зарос щирницей и лебедой.

«Мда-а., неприлично мой огород выглядит. А ведь ещё и „доктором“ называют. Стыдоба!!! Вон какой у Пелагеи Мироновны огород! Ни травинки лишней не растёт! Картошечка вся ровнёхонько стоит, как кукуруза при Хрущёве! – думал я, дёргая траву, орудуя тяткой и поглядывая в соседский огород. – Ещё и гости сегодня к ней там приехали. Сейчас она их поведет в свой огород хвастаться, как у нее тут все классно, а тут мой по-соседству, неубранный. Не только соседка знать будет, что докторский огород бурьяном зарос, но и в соседних деревнях тоже узнают».

От моих мыслей меня отвлек звук брякнувшей двери в соседском доме. Такой звук возникает, когда человек выбегает из дома на улицу, толкая дверь двумя руками. Через мгновение в соседнем дворе загремело какое-то ведро, послышались взволнованные человеческие голоса, закудахтали куры.

Становилось ясно, что-то кто-то выскочил из дома и бежит куда-то сломя голову.

Ещё через мгновение в огород выбежал незнакомый мне человек и крикнул:

– Доктор! – взволнованно крикнул он. – Вы доктор? Там человек умирает! Ему с сердцем плохо!

Бросив тятку, я побежал по огороду и через двор забежал в дом.

В зале, около стола полулежал бледно-синего цвета Валентин Акимович. Он, вытаращенными глазами, ошарашенно смотрел по сторонам, но, скорее всего, уже ничего не видел.

– Что случилось?! – спросил я у него. – Что болит?

Валентин Акимович попытался сфокусироваться на мне, но у него не получилось. Он открывал рот, бил себя в грудь кулаком, но не произнес ни слова.

– Мы за столом сидели, – быстро сказала Пелагея Мироновна, – у него сердце прихватило, он закашлялся и в грудь себя бить начал, потом упал...

«При сердечных болях больные не так себя ведут. – мелькнула мысль, – они кричат или стонут от боли, могут сказать хоть что-то...».

Между столом и стеной, где находился больной было катастрофически мало места. Неудобно производить осмотр.

– Отодвиньте стол! – скомандовал я. – Мне надо места побольше.

Стол тут же отодвинули. Я попробовал уложить больного, но наступил на что-то мягкое на полу. Это оказался откушенный блин.

– Тут блин лежит недоеденный, – сказал я вслух, отодвигая его подальше.

– Это он блин откусил, – сказал кто-то из гостей, – потом сердце и прихватило у него...

Вот тут-то в голове у меня и щёлкнуло.

– Подавился! – аж вскрикнул я. – Он подавился! Ложку дайте!

Открыв больному рот и прижав ему язык, я все же разглядел край куска блина.

Прием Геймлиха мне приходилось делать только на манекене в училище.

– Помогите мне! «Приподнимите его!» – сказал я родственникам.

Встав сзади больного и обхватив его под мышками, я прижал кулак к его эпигастрию. Второй рукой схватился за кулак.

– Р-раз! – дёрнул я Валентина Акимовича на себя, одновременно надавливая ему на эпигастрий под ребра и сжимая его грудную клетку.

Под правой рукой я почувствовал предательский щелчок. Глухой щелчок ломающегося ребра.

– Пх-ххаа-а!!! Кхм-м-м... – Валентин Акимович выплюнул блин и тут же сделал шумный вдох:

– Ыхы-ыыыы...

Следующие вдохи были уже менее шумными.

– Ы-ыы (вдох) ... Хы-ыы (выдох) ... Ы-ыы... Хы-ыы – дышал, сидя на полу Валентин Акимович.

Я смотрел на него, ожидая, когда же он пожалуется на боль в грудной клетке из-за сломанного ребра, но первое, что он сказал, когда отдышался, было:

– Я же говорил, что самогонки надо было... Чуть не сдох от твоих блинов!

Тёща тут же достала заветную бутылку....

Сломанное ребро болело у него около месяца, а жители деревни, встречая меня, Валентина Акимовича или бабушку Мудрую, шутили: «Вот так, тёщины блины за бутылку самогона зятю ребра переломали!»

## Дед Костя

Ночной звонок, разбудивший меня, не сулил ничего хорошего.

Я, с сожалением отпуская свой сон, потянулся за трубкой телефона. Сердце начало бешено колотиться, в виски привычно ударила боль.

«Что-то случилось». И это «что-то» не может обойтись без меня.

Даже если просто ошиблись номером, то я все равно уже не усну, ну а если же случилось что-то страшное, и это «что-то» не может обойтись без моего участия, то я не то что не усну, я вообще сейчас вылезу из теплой постели и куда-то пойду.

Всё оказалось гораздо хуже, чем я предполагал. Звонила Дарья Петровна – фельдшер из многотрадального отделения Ильича.

– Дмитрий Леонидович! – услышал я в телефонной трубке её взволнованный голос. – Деда Костю парализовало.

– Когда? – спросил я.

– Примерно час назад. Я от них звоню. Приезжайте, пожалуйста, скорее.

– Понял, ждите.

Вызвал водителя, взял свою «вызовную» сумку и поехал.

...

Война.

Когда она началась, Косте было двадцать лет и был он обычным деревенским парнем. Его, как и миллионы других парней, призвали защищать Родину. Косте повезло больше чем другим – он вернулся живым, пройдя всю войну до Берлина. Женится, работал кузнецом на отделении в родном колхозе. Дом, семья, хозяйство, постоянные заботы и хлопоты. На пенсию вышел в 1980 году, и вот она старость. Жена умерла несколько лет назад, дети разъехались. Чтоб совсем не было скучно, дедушка Костя женился на такой же как и он одинокой бабушке из своей деревни. Несколько раз они вместе с бабушкой Лизаветой приезжали ко мне на приём в Боровское на своем зелёном «четыреста двенадцатом» Москвиче. Приезжали не столько из-за своих болезней, присущих пожилому возрасту, сколько больше поговорить, выговориться. После беседы со мной, длившейся порой весь мой обеденный перерыв, они уезжали в свою деревню, находящуюся в двадцати семи километрах от нашей участковой больницы. Уезжали скучать дальше, а я оставался работать.

...

Константина Григорьевича я знал уже два года, но домой к нему я приехал впервые. Как можно тише я зашёл в их старенький дом, прикрыл за собой дверь, прошел в комнату. Дед Костя лежал на полу. Глаза его были открыты, изредка он мигал ими. На его плече была надета манжета тонометра. Фельдшер Даша сидела рядом на маленьком стуле, а с другой стороны от деда, стоя на коленях, всхлипывала бабушка Лизавета.

– Давление? – сразу же спросил я у Дарьи.

– Было 180/100, сейчас 160/100.

– Что делали?

Дарья ответила мне, какие препараты она вводила.

Дед Костя, услышав наш разговор, попытался поднять голову и что-то сказать, но этого ему не удалось. Он открыл рот, но изо рта донёсся только хриплый стон. Свою здоровую правую руку он потянул ко мне.

– Дед Костя, ты лежи, не вставай, хорошо? – я взял его за руку двумя руками.

Рука его была теплой и мелко дрожала.

– Не надо ничего делать, сейчас я кое-что проверю, и мы поедем в больницу, – продолжил я, поглаживая его руку и одновременно прощупывая пульс.

Левая рука его падала как плеть, рефлексы на ней отсутствовали. Ногой он так же не мог шевелить

«Левосторонняя гемиплегия».

– Принесите ложку и стакан воды, – попросил я.

– Я уже пробовала, – сразу же поняла меня Дарья, кивнув на стол, где стоял стакан с водой и лежала ложка, – поперхивается...

«Плохо дело, – заныла мысль в моей голове, – очень плохо».

Для проверки глубины поражения головного мозга при нарушении мозгового кровообращения проводится такой тест: больному на ложку даётся глоток воды. Если больной поперхнулся, закашлялся, то это значит, что поражён ствол мозга. Часто подобный симптом говорит о неблагоприятном исходе.

Константина Григорьевича положили на носилки и повезли в больницу. Всю дорогу он возмущённо что-то хрипел, мычал, а когда мы уже подъезжали, он вдруг потерял сознание, резко вздохнул, замер на мгновение и выгнулся дугой.

– Коля стой! – крикнул я водителю уже доставая из сумки противосудорожное средство. – Судороги!

«Вот и всё! – мелькнула мысль. – Дед Костя сейчас у меня „уйдёт“. Уйдет прямо в машине, по пути в нашу участковую больницу. Войну прошёл, жену похоронил, до восьмидесяти семи лет дожил, а умереть ему придется здесь, в узике-буханке на унылой зимней дороге ночью, по пути в больницу, у меня на руках».

И вдруг мне всё стало ясно как божий день:

«Это он из дома уезжать не хотел! Он дома помереть собрался! Рядом с бабушкой Лизаветой! Вот он и хрипел и мычал возмущенно всю дорогу!» – думал я вводя в вену противосудорожное.

Судороги прекратились. Дед Костя глубоко и шумно задышал. Я замер глядя в его лицо. В тусклом свете салонного фонаря лицо его было суровым, с грубыми чертами, но спокойным. Глубокий вдох..., полусекундная задержка..., выдох. Снова вдох, задержка... Выдох. Снова вдох. Левая щека его при этом надувалась как парус.

– Поехали? – отвлёк меня водитель.

– А? – вздрогнул я. – Да..., конечно Коля, поехали. Только потихоньку, Коль, потихоньку. Ладно? Не суетись...

Вдвоем с водителем мы занесли деда Костю в палату, переложили на кровать.

Санитарка Лидия Михайловна, посмотрела на больного, вздохнула вышла из палаты. Я вышел следом. Необходимо было завести историю болезни, сделать назначения, составить план обследования. А ещё, мне предстояло найти контакты детей Константина Григорьевича и сообщить им о случившемся.

Лидия Михайловна сидела в холле больницы с грустным, задумчивым лицом.

– У меня Иван так помирал, – начала говорить она, – его так же парализовало, пролежал пять дней и умер.

Я ничего не сказал в ответ, взял чистый бланк истории болезни, посмотрел на часы и начал заполнять строки, уже набившие мне оскомину. Когда закончил писать, время было 05:10. Идти домой не было никакого смысла. Не хотелось будить жену, во-вторых у меня тяжёлый парализованный больной в коме, который вот-вот отдаст Богу душу, и мне все равно снова придется вылезать из постели и идти сюда, а в-третьих до начала работы оставалось три часа.

«Нет, домой не пойду, – решил я. – Пойду в свой кабинет, попробую вздремнуть».

– Я у себя в кабинете, – сказал я и добавил, – если что...

Пока шёл по тихому ночному коридору больницы мысли мои окончательно перемешались. На фоне усталости они отодвинулись на второй план, я сел за стол, положил голову на руки.

«Спать... спать... спать...»

...

«Чёрт! Что с шеей? Почему так больно? Продуло что ли?»

– Дзинь! – прозвенел телефон.

Звонок был неожиданный, резкий, тревожный. Я открыл глаза и поднял голову. Шея, от неудобного положения, затекла и отозвалась такой болью, что я схватился за неё рукой.

– Дзин-дзинь! – снова звякнул телефон.

Я уставился на него так, как будто видел его впервые.

«Что происходит? Где я?... – я не мог никак понять, что происходит. – Та-а-ак..., я у себя в кабинете. В своем скучном кабинете с белыми стенами, коричневым лакированным столом и стульями вдоль стены».

– Дзин-дзинь!

«Да чтоб тебя!» – подумал я и взял трубку.

– Березин, – сказал я не своим от сна голосом.

– Ты где пропал? – на том конце провода была жена. – Я проснулась, а тебя нет. Ты же ещё в час ночи ушел на вызов.

И тут, ко мне, что называется, вернулась память. Я вспомнил, что деда Костю парализовало, вспомнил его теплую, дрожащую руку, зимнюю дорогу, судороги в машине. Вспомнил Лидию Михайловну, с её высказыванием о скорой смерти больного. Мне стало тоскливо.

– Деда Костю из «Ильича» парализовало. Он в коме, у нас, в восьмой палате, – ответил я и продолжил. – Не волнуйся, со мной все нормально. На обед приду, наверное.

Я положил трубку. Шея болела. На часах было 6:53. В кабинет постучались.

– Дмитрий Леонидович, можно? – это была медсестра Ольга Юрьевна. – Я услышала, что телефон звонил. Доброе утро! Вы...

– Как он? – перебил я её, всё ещё держась за шею. – Жив?

– Да. – ответила медсестра. – Он проснулся, его Лидия Михайловна накормить хочет...

– Зачем!? – я вскочил и быстрым шагом пошел по больничному коридору. – Это опасно!

В палате, рядом с кроватью больного сидела санитарка Лидия Михайловна и маленькими-маленькими порциями манной каши пыталась кормить больного. Он пытался жевать, шевелил губами, но проглотить не мог. Каша вытекала у него изо рта и стекала по щеке. Лидия Михайловна вытирала кашу с его щеки полотенцем и, снова и снова, подобно терпеливой маме, кормящей непослушного малыша, давала ему кашу. Когда я зашёл в палату и появился в его поле зрения, он улыбнулся уголком рта и посмотрел на меня таким взглядом полным отчаянья, что я не забуду его никогда. В его взгляде я увидел, что он прекрасно понимает, что жить ему осталось совсем немного, а я его забрал из родного дома. И вот сейчас, его пытается накормить чужая женщина, а родная его спутница – бабушка Лизавета, с которой он прожил уже двадцать с лишним лет, далеко в деревне, одна. Дети где-то в городе и ещё не знают о том, что отец умирает.

– Будем кормить через зонд. Принесите, – коротко сказал я медсестре.

Я установил деду назогастральный зонд, показал, как надо кормить больного и вышел из палаты.

– Леонидыч, пойдём, – сказал мне проходящий мимо больной, – покурим?

– Курить вредно! – ответил я, но все же пошел следом.

– Дмитрий Леонидович! – окликнула меня медсестра, когда я выходил на лестничную площадку.

Я резко повернул голову, в шее что-то щелкнуло, я испытал такую боль, что вскрикнул и схватился за шею.

– Что? – ответил я, корчась от боли.

Медсестра, увидев, что стала причиной моей боли, несколько растерялась.

– Я хотела спросить... вы завтракать будете?

– Буду, – ответил я.

– Может быть вам диклофенак уколоть? – предложила она. – Всё полегче будет...

– Ольга Юрьевна, ну кто же диклофенак на голодный желудок колет? – пытался пошутить я. – Сейчас позавтракаю, а там посмотрим!

В курилке несколько мужиков уже обсуждали тяжёлое состояние деда Кости. Я подошёл к ним и молча закурил. Мужики притихли, ожидая от меня какого-то объяснения сложившейся ситуации, но я молчал, выпуская сигаретный дым в открытую форточку.

– Зимой светает поздно... – начал было один мужик. – Время восемь утра, а вон как темно...

– Метель будет... – продолжил другой. – Ноги у меня всю ночь крутило. Всегда перед непогодой крутит...

– Помрёт? – наконец спросил меня третий.

Я пожал плечами, потушил сигарету и пошёл завтракать. Мужики, оставшиеся в курилке, продолжили свои обсуждения:

– Сейчас Людка за ним на вертолёте прилетит...

Я остановился:

– За кем?

– За дядей Костей, – ответили мне.

– Какая Людка? – спросил я.

– Дочь его, Людка. Она же у него директором банка в городе работает.

...

Я позавтракал. Укол делать не стал – само пройдёт. Успею ещё за всю жизнь уколов и таблеток принимать.

На работу пришла старшая медсестра Вера Александровна. Она, по стечению обстоятельств, оказалась какой-то родственницей бабушки Лизаветы и рассказала мне о том, что дочь Константина Григорьевича действительно работает управляющим директором одного из банков города.

– Вот её телефон, – она протянула мне визитку.

– Пойду на почту. Позвоню, – сказал я ей. – А вы, Вера Александровна, позвоните бабушке Лизе. Пусть приезжает. Поставим ей кровать в палате, рядом с дедом.

Отделение почты, откуда я решил позвонить дочери больного, находилось в торце здания нашей больницы. Я вышел на улицу. Солнце медленно и как-то неохотно выходило из-за горизонта. Создавалось впечатление, что оно не видит смысла освещать эту зимнюю, унылую степную местность. Ветер короткими порывами гнал по низу сухую снежную крошку. Местами крошки сливались в потоки и, причудливо извиваясь, ползли над снежным покровом. Редкие сухие травинки и стебельки, торчащие из-под снега, безмолвно и обреченно дрожали.

– Ка-а-а-а! – услышал я где-то сверху.

На ветке тополя, растущего во дворе больницы, пытаюсь удержать равновесие, раскачивалась ворона. Она смотрела на меня, то одним глазом, то другим, но не улетала.

– Прячься, – сказал я ей вполголоса. – Метель начинается.

Мне предстояло сообщить дочери больного о тяжёлом состоянии её отца. Я набрал номер. Странно, но ответили мне сразу же после первого гудка.

– Алло? – ответил мне женский голос.

– Людмила Константиновна? – спросил я.

– Да, это я.

– Здравствуйте. Меня зовут Дмитрий Леонидович Березин. Я заведующий Боровской больницей. Ваш папа у нас.

– Что-то случилось? – спросила она как-то обыкновенно, без волнения в голосе.

Странно.

– Его парализовало на левую сторону. Состояние его тяжёлое, – сказал я и добавил, – очень тяжелое.

Ну не мог же я тогда прямо сказать ей, что скоро её отец умрет.

– Нужны какие-то лекарства? – спросила она так же спокойно.

– Нужно приобрести Глиатилин и Мексидол, остальное у нас есть.

– Хорошо.

– Запишите мой номер телефона. Как соберётесь сюда ехать, звоните.

У меня была надежда, что дочь заберёт отца в областную больницу, где ему смогут оказать квалифицированную помощь, смогут провести необходимое обследование и лечение, а после и реабилитацию. Все равно, я надеялся, что дед Костя проживет ещё хоть немного.

Я вышел из отделения почты. Солнце поднялось, но из-за начавшейся метели оно было какое-то далёкое, мутное, неприветливое. Метель уже бушевала во всю. Снежная крошка поднималась высоко и набивалась в глаза и за шиворот, больно кололась в щеки. Тополь, раскачиваясь ещё сильнее чем прежде, жалобно скрипел стволом. Ворона, сидевшая на нём, куда-то скрылась, так и не справившись со своим равновесием. Я втянул голову в плечи и, зажмурившись, как китаец во время песчаной бури, быстрым шагом зашёл в больницу.

В палате около кровати деда Кости, на стуле сидела бабушка Лизавета. Оказалось, что она приехала на попутке, а пока я был на почте, она зашла в больницу. Держа деда за руку, она бесшумно плакала и вытирала слезы платком. Дед что-то мычал, пыхтел, но ничего не было понятно. Наверное, он как мог, пытался успокоить бабушку.

– Я Людмиле позвонил, – сказал я, войдя в палату, – обещала приехать.

– Да куда там, – ответила баба Лиза, украдкой вытирая слезы, – метель-то вон какая...

– Ну, значит, после метели приедет! – ответил я. – Ждём!

О том, чтобы в такую метель везти больного в районную больницу, не могло быть и речи. Метель разыгралась не на шутку. На обед домой я так и не пришел – не было времени. Домой я шел уже в темноте, по колено утопая в снегу. Уставший, с болью в шее и в полной растерянности: «Что мне делать с таким тяжелым больным?».

Дома было тепло и светло. Дочки играли в зале, жена сутилась, накрывая на стол.

– Завтра, если что, выходной, – сказала она. – Побудь дома, хоть один день?

Я пожал плечами.

Как я могу что-то обещать? У меня в стационаре больные. Они на меня надеются, ждут помощи. Не могу же я послать всех к черту, только потому, что у меня выходной? Именно в тот момент, у меня впервые возникла мысль, что я не принадлежу сам себе, у меня нет никаких гарантий и планов на завтрашний день. Какая-то беспощадная постоянная ответственность, повинность.

За окном, метель сошла с ума. Выло так, что казалось сам чёрт лезет к нам через печную трубу, но застрял в ней и теперь от досады воет. Вот под этот вой и хлопанье калитки соседского дома я и заснул. Проснулся от полнейшей тишины. Мне показалось, что я оглох во сне. Прислушался. Рядом, уткнувшись мне в плечо тихо сопела жена.

«Метель закончилась, – подумал я и повернулся на другой бок. – Это хорошо!»

...

Темно... Темно и тихо. Странно... Вроде бы уже почти десять утра, а темно. Что случилось?

Встал и отодвинул шторы, чтоб посмотреть на улицу. Снег плотно застилал всё окно – дом замело по самую крышу. Я взял телефон, чтоб позвонить в больницу и узнать, как там наш больной. Нажал на клавишу вызова, но в трубке была тишина.

«Линия оборвалась из-за метели, – догадался я. – Придется идти...»

...

Я стал собираться, чтобы идти в больницу.

– Поешь хотя бы, – сказала жена, – а то пропадаешь со своей работой сутками. Неизвестно где ешь, неизвестно где спишь.

«Как же мне с ней повезло! – подумал я усаживаясь за стол. – Действительно, надо поесть, а то опять неизвестно, когда домой вернусь. Сколько же у нее терпения?».

Я вышел на улицу. Солнце поднялось и светило ярко-ярко. Его свет отражался от бело-снежных покровов, искрился и больно резал глаза. Вчерашней метелью с деревьев и кустов сдуло последние сухие листья. На голых ветках, громко и возмущённо чирикавая, сидели воробы.

«Ох, и снегу намело! – думал я, пробираясь в сторону больницы. – Кое-как из двора вышел! Ещё бы воробьям не возмущаться – все кормёжные места замело!».

По центральной дороге, по направлению к больнице, был проложен единственный широкий след от проехавшего автомобиля. След этот вел в больницу. А возле самой больницы стоял огромный черный джип Ниссан Террано.

«Приехала...» – подумал я.

В палате, где находился дед Костя, пахло дорогим парфюмом и мандаринами. Стояли пакеты с пелёнками, памперсами для взрослых, и ещё какие-то средства ухода за тяжёлыми лежачими больными. Рядом с дедом Костей сидела женщина, примерно сорока пяти лет на вид.

– Здравствуйте, – обратился я к ней.

– Здравствуйте, – ответила она и тут же спросила. – Вы Дмитрий Леонидович? Где мы можем поговорить?

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.